

погоню за приработком, или на превращение в аскетов с безумным взглядом. Чтобы этого всего избежать, нужно заботиться не только об образовании студентов. Сравнивая его с системой образования на Филиппинах, в Японии, в Йельском, Гавайском университетах, считаю, что наше образование в общем неплохое, а в некоторых отношениях даже очень хорошее. Важнее всего позаботиться о том, чтобы наши выпускники могли заниматься тем, чему обучены. Нужно ввести в программы курс, посвященный тому, как искать и получать гранты (вместо недавно введенных курсов физики, математики и статистики). Нужно ввести должность Grant Officer и на кафедре этнографии, и на Востфаке, и в МАЭ. Нужно приглашать в состав руководства антропологическими учебными и научными учреждениями людей, которые смогут и захотят тратить время на то, чтобы своим научным авторитетом обеспечивать включение студентов и сотрудников в крупные международные исследовательские программы, с бюджетом экспедиций, зарплатой и пополнением библиотек литературой, как это делается во многих антропологических центрах мира. Санкт-Петербургский Европейский университет добился этого — смогут и другие. А все остальное — включая учебники — приложится.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ

1

В настоящее время в России полная сумятица с антропологическим образованием. Сначала было поспешное введение курса этнологии по всем вузам, что породило создание суррогатных учебных текстов, но затвердило этнологию как учебную дисциплину, чем осложнило формирование полноценного антропологического образования. Фундаментальный вопрос: следует трансформировать этнологию в антропологию или оставить этнологию, как она есть, а параллельно строить социально-культурную антропологию? Это нужно обсуждать, возможно, что здесь есть несколько вариантов. Этнология сама по себе нуждается в большом обновлении, а тут еще встает вопрос, что этнология перейдет всего лишь в статус большого раздела «этничность» в рамках более широкой дисциплины — социально-культурной антропологии. Это

Валерий Александрович
Тишков
Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва

может быть большим перегрузом с точки зрения осуществляемых перемен и наверняка встретит определенное неприятие у части нынешних профессионалов, а также давних клиентов российских этнологов — этнонационалистов из числа общественных активистов, управленцев и интеллектуалов.

2 Оптимальным было бы введение специальности «социально-культурная антропология» с разработкой нового государственного стандарта вместо существующего крайне неудачного стандарта по «социальной антропологии». Но встает важный вопрос: а что делать с «этнологией (этнографией)», которая ныне существует в качестве поддисциплины специальности «исторические науки»? Естественно полагать, что эта дисциплинарная категория должна уступить место социально-культурной антропологии, основанной на этнографическом методе, который делает ее отличительной от других дисциплин. Но именно эту вторую операцию осуществить будет труднее, чем первую. С историей и с ее цехом у антропологов (этнологов, этнографов) многочисленные связи, в том числе содержательные (историческая этнография остается основным жанром отечественных исследований), институциональные (ИЭА и Кунсткамера как институты входят в Отделение историко-филологических наук РАН, кафедры существуют в рамках исторических факультетов), профессионально-идентификационные (многoletние человеческие связи с историками и археологами, ученые степени кандидатов и докторов наук по истории и т.д.). Согласится ли нынешнее поколение профессионалов перейти в самостоятельную дисциплинарную категорию антропологов и утверждать свое самостоятельное место и статус в академическом сообществе и в обществе в целом?

Так что главный вопрос не столько в конституировании антропологии как отдельной науки, сколько в расставании со старым ложем истории, в котором дисциплина пребывает уже с начала XX в. (до этого она скорее была в ложе географии). Не менее сложный вопрос с физической антропологией, которая пребывает в двух больших и комфортных ложах: истории и биологии. У меня на этот счет нет окончательного ответа.

3 Нужен учебник по социально-культурной антропологии или просто по антропологии, который представил бы дисциплину в ее современном и в очень широком виде, т.е. с такими разделами, как, например, медицинская, городская, политическая антропология, транснациональные сообщества, антропология медиа и другие. С этого легче и лучше всего начинать, ибо учебник не просто обучает, но и ориентирует выбор молодого человека в пользу жизненного занятия.

Я готов участвовать в создании одного из учебников с одним-двумя соавторами, которые могли бы взять на себя написание ряда классических разделов, которые должны быть в таком учебнике (например, ранние этапы человеческой эволюции, системы жизнеобеспечения, социальная структура, язык и другие системы коммуникации, мифология и фольклор). Но учебников должно быть несколько, и они должны быть написаны авторами, которые обладают собственными полевыми материалами, а не быть только компиляцией на основе полевых материалов других, или вообще без всяких конкретных материалов.

4

Мы должны готовить антропологов, как и в большинстве стран, где есть такое образование и где есть на него общественный спрос. Вот это последнее и есть главная проблема: где антрополог должен или может работать, кроме обучения себе подобных в вузе или же научных занятий в академическом институте? Хотя уже этих двух сфер минимально достаточно для конституирования профессии, но этого мало для человека, выбирающего свою профессию. Нужно формировать запрос на антропологическое знание в таких больших сферах, как государственное управление, бизнес, дипломатия, здравоохранение, городское планирование, культурно-медийное производство и другие. Другими словами, нужно формировать рынок труда для антропологов. Пока его в стране нет, а слово «антрополог» больше ассоциируется с физической антропологией.

ВАЛЕНТИНА УЗУНОВА

1

Учить надо сложнее

Заказ на социальное и антропологическое знание теперь не идеологичен. Сейчас он прорывается к нам «снизу», так как порожден хаосом мнений и суждений общества о самом себе. Этот новый вид общественной тирании на «выходе» предполагает обретение упорядоченности и убедительности — именно того, чего наука принципиально не дает, а потому не должно давать и хорошее научное образование. Научная деятельность — это исследование, только к этой деятельности и должен готовить университет. При этом преподавание «больших» теорий как было, так и должно оставаться

Валентина Георгиевна

Узунова

Музей антропологии
и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург